К нему, в известной мере, применима мысль Д. С. Лихачева об общей динамичной структуре древнерусской литературы: «По существу ... перестройка происходила все время. Она началась с возникновения древнерусской литературы ... Переворот был постепенным и длительным, линия перелома чрезвычайно неровной. Одни явления подготовлялись всем развитием древнерусской литературы, другие совершались в течение всего XVII в., третьи окончательно определились лишь со второй четверти или второй трети XVIII в. ...»[52] Точно так же складывание формы и содержания жанра автобиографии было длительным, многовековым процессом. Эта длительность определялась как особенностями самого жанра, так и спецификой идеологических, социально-экономических и политических условий подготавливавшей его эпохи.

Как мы видели на примере «Поучения» Владимира Мономаха, внутренний мир древнерусского человека не был однозначным: ростки старого, дохристианского мировоззрения прорастали сквозь толщу религиозного сознания и разрушали его стройность, давая место новым, внерелигиозным категориям. Не было однозначно и само религиозное мировоззрение: оно изначально заключало в себе противоречивые элементы, отражавшие различные (и часто противоборствующие) социально-этические тенденции. Противоположные тенденции развивались и в литературе, где, в свою очередь, вступали в противоречие друг с другом «идеализирующий художественный метод» и «конкретизирующие», реалистические элементы.[53]

Автобиографизм очень рано находит свое место в системе письменных жанров древней Руси: с одной стороны, выступая самостоятельно в грамотах, посланиях, духовных поучениях, молитвах и т. п., написанных от первого лица; с другой стороны, документируя изложение (автобиографические ремарки в летописях, «хожениях» и т. п.).[54] Вне делового назначения автобиографизм признавался достоверным только в качестве свидетельства (очевидца — «видением» или из вторых рук — «слухом», от «достоверных мужей»).[55]

Как «самосвидетельство», согласно средневековым религиозным нормам, автобиографизм был лишен достоверности, следовательно, и не мог найти себе место в системе литературных жанров древней Руси, имевших прежде всего деловое, практическое, обиходное назначение.[56]

Лишь постепенно прокладывая себе дорогу в письменности (главным образом, в виде приписок писцов или автобиографических ремарок), автобиографизм завоевывает себе признание у читателя и в конечном счете становится новой формой достоверности, создавая тем самым предпосылки для рождения автобиографического метода художественного обобщения.[57] Признание за автобиографизмом права на достоверность (вне

---

[52] Д. С. Лихачев. В чем суть различий между древней и новой русской литературой. — «Вопросы литературы», 1965, № 5, стр. 183.

[53] Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 67, 173; В. П. Адрианова-Перетц. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.). — ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 10.

[54] Подобный «документализм» отмечен как характерная черта не только древнерусской, но и западноевропейской литературы (см.: G. Misch. Geschichte der Autobiographie, Bd. III, Heft 1. Frankfurt am Main, 1959, SS. 105—106).

[55] См., например: Память Феодору, Давиду и Константину Ярославским (ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 761, л. 13 об.).

[56] Д. С. Лихачев. Система литературных жанров древней Руси. — В кн.: Славянские литературы. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963, стр. 54—55.

[57] Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 133, 138; В. Мархольц определяет достоверность автобиографии следующим образом: «Никакое другое письменное свидетельство не передает так верно широту или узость, духовную зрелость